

никами, как и прочие, и их объединения ради защиты своих интересов и обеспечения монополии на свой вид деятельности и привели со временем к появлению такой корпорации, как университет. Одним из частных магистров теологии был еще Петр Абеляр, который около 1120 г. начал без лицензии преподавать этот предмет в одной из мирской школ, а с 1136 г. открыл собственную школу на холме св. Женевьевы, другим — его ученик Петр Ломбардский, в том же году начавший преподавать богословие в кафедральной школе Нотр-Дама, и они упоминают также о других. Начальная стадия формирования Парижского университета, в рамках которого осуществлялось «магистерство», относится к 1150 — 1170 гг. Но корпорация стала законной, когда у нее появлялись права и обязанности, и уже к 1194 г. относится сообщение о том, что папа Целестин III даровал парижской университетской корпорации первые привилегии, а в 1215 г. кардинал и легат Григория IX Робер де Курсон дал ей первые официальные уставы². Члены университетской корпорации магистры-клирики, среди которых выделялись прежде всего теологи, стала окончательно узаконенным сообществом, а новый средневековый цех — цех образованности — новой реальностью средневекового общества. По крайней мере к 1213 г. относится первое упоминание о структуре этого нового цеха, ставшей канонической на века для последовавших университетских корпораций как во Франции, так и практически во всей Европе. Каждый факультет этого «ученого цеха» был организован иерархически — ученики (*scholares*) подчинялись подмастерьям науки (*baccalaurei*), а те — мастерам (*doctores*), из состава которых выбирались мэтры-регенты, а из последних — декан, возглавлявший весь «цех». Факультетов же всего было четыре: низший, «артистический» (где преподавались «свободные искусства»³) и три высших — теологический, юридический и медицинский. Другой древнейший университет, Болонский⁴, славился своими юристами, Парижский же — теологами, и именно сюда съезжались для изучения, а затем и преподавания богословия студенты со всей Европы. Выпускники теологического факультета Сорбонны известны каждому, кто хоть когда-либо заглядывал в учебники по истории философии. Среди них были Альберт Великий, Фома Аквинский, Раймунд

Луллий, Роджер Бэкон, Иоанн Дунс Скот, Уильям Оккам (не упоминая о прочих). Среди французских университетов XIII в., в которых теология (по примеру Сорбонны) была приоритетной, можно назвать университет в Тулузе (основан в 1229 г.), теологический факультет которого был организован Григорием IX с целью противодействия альбигойцам⁵, и в Анжере.

Как и всякий ремесленный цех, университетский следовал правилам четко организованной деятельности. Преподавание богословия (как и других наук) включало два ясно определенных формата: лекции и диспуты (практическое выяснение степени рецептивности студентов). Студент-теолог прослушивал лекционный курс по чтению Библии с комментариями, а затем «Сентенции» Петра Ломбардского (1155 — 1157), представлявшие собой свод речений Отцов Церкви, распределенных по четырём главам — «О тайне Св. Троицы», «О творении и формировании материальных и духовных существ и о многом другом, к этому относящемся», «О воплощении Слова» и «О Таинствах». Комментарии к Библии опирались на концепцию средневековой герменевтики, согласно которой каждый библейский текст имеет четыре уровня смыслов (буквальный, типологический, нравственный и аллегорический), «Сентенции» же представляли собой свод всего католического вероучения, который комментировало в течение всего средневековья не менее 300 схоластов, в их числе и все самые крупные (именно в ходе комментирования «Сентенций» ставились и решались основные проблемы, составившие «золотой фонд» средневековой философии). В ходе диспутов (которые частично сопоставимы с современными семинарами) студент должен был точно «установить» (*determinare*), обосновать (*arguere*) и защитить (*disputare*) конкретное истолкование библейского текста или вероучение — подобно тому, как на других факультетах он должен был проделать все то же самое с конкретным положением медицины или юриспруденции (*dogmata scientiarum*). От этих учебных диспутов следует отличать праздничные (можно сказать даже «карнавальные») университетские диалектические турниры, в которых один мэтр бросал перчатку другим и в которых принимали участие не только «рыцари»-магистры, но и их «оруженосцы»-бакалавры⁶.

Деятельность английских теологов прошла те же стадии, что и становление парижского «теологического цеха». В 1133 г. Роберт Пуллен начал читать (как частный магистр) лекции по толкованию Библии, и очень скоро его коллеги составили теологический факультет Оксфордского университета (первые статуты получил уже в 1214 г.) и Кембриджского (1231 — 1233). В обоих случаях методы преподавания вполне сходились с парижскими, и потому нас не должно, например, удивлять, что основными текстами Дунса Скота остались парижские и оксфордские комментарии к «Сентенциям».

Не следует думать, что учреждение университетской теологии проходило везде без проблем. Если в некоторых случаях папы (ставшие со временем основными патронами университетов, обеспечивавшими им защиту от других «корпораций», но требовавшие за это «преданности») охотно поддерживали теологические факультеты (см. выше в связи с Тулузой, иногда целью пап при этом была поддержка монастырей той или иной области или другие мотивы), то в иных они, в соответствии с ситуацией, и препятствовали их организации. Начавшая чуть позже контролировать университеты светская (королевская, герцогская и прочая) власть также в каждом случае, где это было в пределах ее возможности, решала вопрос, быть таковым факультетам в таком-то университете или не быть (нередко исходя из своих отношений с властью папской). Тем не менее география университетского преподавания теологии неизменно расширялась. С 1343 г. она преподается в Пизе, с 1348 — в Праге, с 1349 — во Флоренции, с 1362 — в Болонье, с 1363 по инициативе Урбана V — в Падуе, с 1385 — в Гейдельберге, с 1388 — в Кельне, с 1409 — в Эксе (Франция), с 1418 по личному распоряжению Мартина V — в Валладолиде (Испания), с 1426 — в Лувене, с 1443 — в Ростоке, с 1453 — в Глазго, с 1477 — в Тюбингене, с 1502 — в Виттенберге.

С последним из названных университетов был связан самый крупный поворот в истории христианства со времен великой схизмы 1053 г. — эпоха Реформации, которая началась с опубликования в 1517 г. 95 антикатолических тезисов профессором теологического факультета Виттенбергского университета Мартином Лютером. Но и она не внесла в основной формат преподавания теологии, сложившийся триста лет назад, струк-

турных изменений. Преподавание Библии сохранило все свое значение (и даже приобрело большее), с той только разницей, что ее изучали и толковали уже не по латинской Вульгате, а по немецкому лютеровскому переводу, а «Сентенции» были замещены «Общими положениями теологических предметов» Меланхтона (1521). Правда, реформаторы, в соответствии со своим догматом о боговдохновенности только Библии, уделяли значительно меньшее внимание прочим авторитетам, а «школьный» метод изучения богословия, равно как и привлечение к этому изучению философской рационализации, временно были отвергнуты. Но постепенно философская рациональность восстанавливает и у реформаторов свои права, и формируется разветвленная лютеранская схоластика (со временем начавшая вызывать протесты у пиелистов). Более того, Реформация только способствовала открытию теологических факультетов, так как теперь они стали ареной соперничества реформаторов и контрреформаторов. Само первенствующее положение теологии в системе четырех основных университетских факультетов сохраняется в Европе вплоть до XIX в. В университетскую систему образования Америки теология вводится уже с 1636 г., с учреждением первой североамериканской высшей школы — конгрегационалистского⁷ Гарвардского колледжа в Новой Англии.

Университетская теология сумела выжить в условиях кровавых гугенотских войн во Франции⁸, тридцатилетней войны в Германии, гражданской войны в Англии, агрессивной агитации вольтерьянства, в огне Французской революции 1789 — 1793 гг., провозгласившей новую «религию разума», оказавшуюся пародией на римское язычество. Она смогла спокойно проигнорировать иронические колкости влиятельнейших «просветителей»⁹, а затем новую «религию разума» О. Конта, оказавшуюся на сей раз пародией на сам разум¹⁰, и ряд других атеистических квазирелигий. В XX столетии университетская теология спокойно выживает в двух мировых войнах, выдерживает давление новой квазирелигии коммунистической идеократии в Восточной Европе¹¹ и все углубляющийся процесс секуляризации социума в современном «обществе потребления». Имена выдающихся философов, которые были студентами теологических факультетов в новое и новейшее время, могли бы стать предметом самостоя-

тельного размышления. В их числе имена Гегеля и Шеллинга (Тюбингенский университет), Киркегора (Копенгагенский), Brentano (Мюнхенский и Вюрцбургский), Хайдеггера (Фрайбургский). Причина подобной устойчивости и результативности открыта для самого широкого спектра толкований в зависимости от мировоззренческого уровня толкователя. Атеист увидит ее в привязанности человечества к своему «детству», в силе «архаических пережитков прошлого», тот, кто предпочитает называть себя модным именем «агностик» — в значимости религии для культуры и цивилизации, а верующий вспомнит слова рабби Гамалиила, сказавшего в синедрионе противникам христианства, что *если это предприятие и это дело — от человек, то оно разрушится, А если от Бога, то вы не можете разрушить его* (Деян 5: 38-39).

В России идея введения богословия в университетскую программу, которая должна была представляться казалась бы сама собой разумеющейся ввиду канонической четырехчастной структуры европейских университетов, начала посещать умы уже со времени создания первого, Московского университета в 1755 г. Она, однако, не смогла преодолеть сопротивления Св. Синода, который видел в светской теологии покушение на свои приоритеты, а использование ее потенциала в целях противодействия атеизму и в качестве духовно-стабилизирующей силы казалось ему не очень значительной выгодой, поскольку гарантом религиозного порядка в России было не богословие, но государственная власть. При этом никого не смутила и та очевидная асимметрия, при которой в духовных академиях изучались все без исключения «светские» предметы, что позволяло их выпускникам впоследствии преподавать и в университетах¹².

К началу XX в. в России действовали 9 университетов, из которых теологический факультет был только в двух «неправославных» — в Туртуском (Дерптский, Юрьевский — основан в 1802 г.) и в Варшавском (основан в 1869 г.). Правда, в 1835 г. очередной университетский устав определил богословие и историю церкви (наряду с действовавшим правом) в качестве обязательных предметов для всех факультетов. Однако даже при министерстве народного образования гр. С.А. Уварова, сформировавшего знаменитый тезис, по которому православие, са-

модержавие и народность суть «те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования»¹³, первое из «главных начал» по европейским стандартам в нашу университетскую структуру не прошло. Теологический факультет не был предусмотрен ни в 1835 г., ни в 1869, ни в уставе 1884.¹⁴ Поэтому правильнее говорить об отдельных «вкраплениях» духовно-академического богословия в российскую университетскую систему¹⁵, чем об университетской теологии в реальном смысле¹⁶.

В советский период, когда атеизм стал государственной религией и до 1944 г. были закрыты даже все духовные учебные учреждения, идея университетского преподавания богословия была бы осуществима не более, чем строительство моста, соединяющего Беломорканал с Панамским каналом. Сама идея подобного внедрения «опиума для народа» в университетское образование даже во времена «оттепели» гарантировала бы ее возможному (точнее, «невозможному») автору в лучшем случае насильственное психлечение.

И только после отказа от атеистической идеократии «движение за теологию» начало постепенно преодолевать сопротивление тех «научных атеистов», которые приняли более соответствующее духу времени именованию религиеведов (некоторые из них называют себя, видимо, по старой памяти, «научными религиоведами»). Отдельные опыты чтения богословских спецкурсов в отдельных вузах Российской Федерации датируются с начала 1990-х годов¹⁷, и это начальное и вполне «светское» движение получило признание в появлении в 1993 г. «теологии» в новом классификаторе государственных образовательных направлений и специальностей, и как следствие появился образовательный стандарт для подготовки бакалавров теологии. В 1994 г. данное движение получило всестороннюю поддержку, когда Предстоятель Русской Православной Церкви (РПЦ) Алексий II (обнаруживший здесь значительно более широкое мышление в сравнении с первоиерархами синодального периода), ряд членов Российской Академии наук и ректор МГУ обратились в Комитет по науке Российской Федерации в связи с необходимостью открытия теологических специальностей и образовательных направлений в высшей школе. В 1999 г. потребовалась

повторная апелляция Патриарха, президентов Российской Академии наук и Российской Академии образования и вузовских ректоров, в результате которой РПЦ и Министерство образования формируют для решения проблемы Координационный совет. В 2000 г. направление Теология с подготовкой бакалавров и магистров включается в государственный классификатор. В 2001 г. утверждается госстандарт по направлению Теология для бакалавров (четырёхгодичная подготовка) и магистров (двухгодичная подготовка)¹⁸.

При этом в госстандарте подчеркивается, что «изучение теологии в системе высшего профессионального образования носит светский характер... Образование магистров-теологов не преследует целей подготовки священнослужителей». В настоящее время параллельно с данной схемой разрабатывается и другая, предполагающая специальность Теология (что, в свою очередь, предполагает возможность защиты диссертаций по теологии и соответствующую аспирантуру), которая, однако, еще остается делом будущего.

К настоящему времени в России известны уже несколько форм институционализации богословия. В Омском государственном университете учреждено отделение теологии, в университетах Алтайском, Дальневосточном и Рязанском — факультеты, в Тверском и Тульском педагогическом — межфакультетские кафедры. Москва, в которой позиции «научно-атеистического религиоведения» сильнее, чем в регионах¹⁹, пока еще не превзошла уровень отдельных лекционных курсов (читались в МГУ, Физтехе и некоторых других вузах). Автор этих строк полагает, что более солидная институционализация теологии в университетах российской столицы (в систему которых входит и Государственный университет гуманитарных наук) является делом недалекого будущего. Можно выразить надежду, что и настоящее учебно-методическое пособие (составляющее конспект учебного пособия) также будет содействовать решению этой задачи, значимость которой для духовно-культурного возрождения нашей родины, традиции которой однозначно укоренены в христианстве, представляется самоочевидной.

Задача настоящего пособия состоит в том, чтобы ввести студентов-гуманитариев, специализирующихся в философии и политологии, в начальное представление о *теологическом знании* и об основных *теологических дисциплинах*, с различными «разночтениями» принимаемых основными христианскими конфессиями. Автор убежден в том, что именно выяснение дисциплинарной идентичности направлений богословской рефлексии является оптимальным базисом для любого богословского образования — подобно тому как таковым для образования философского должно быть начальное ознакомление студента не с тем, что тот или иной преподаватель думает о природе, обществе, содержании религиозной веры и других мировоззренческих проблемах (а именно по этому принципу строится подавляющее большинство наших «введений в философию»), а с тем, что такое теория познания, онтология, этика и другие базовые философские дисциплины и что составляет их предметный и проблемный фонд. Показательно, что параллельное отсутствие внимания к богословской пропедевтике является достаточно характерным для преподавания богословия в отечественных духовных институтах²⁰.

Обозначенная задача объясняет структуру курса. Первый его блок (Лекции 1 — 3) составляют «пролегомены», в коих выясняется само значение понятия *теология* (вначале теоретически, затем исторически), а затем ее параллели с религиоведением и философией религии и сущностное отличие от них. Второй блок (Лекции 4 — 5) включает историю становления и осмысления самой *дисциплинарной системы* теологии (как на Западе, так и в России), а также попытку ее оптимальной структуризации — при которой, по мнению автора, должны различаться «предметы богословского образования» и «богословские дисциплины» в собственном смысле (что, как правило, смешивается). Наконец, блок третий и последний охватывает *основные составляющие* этой системы в их логической последовательности; специальное осмысление получает «вековечный» вопрос о корреляциях определяющей богословской дисциплины — догматического богословия — и философии (Лекции 6 — 10). Заключение посвящено осмыслению теологического и теоретического статуса и значимости тех проблем и задач богословской мысли, которые

обычно включаются в широкие области «практического» и «сравнительного» богословия. Поскольку главная задача состояла в том, чтобы при начальном ознакомлении секулярных студентов с богословским знанием представить им богословские дисциплины в системе, а не в детализации (такова задача уже не начального курса), некоторые дисциплины, сами по себе заслуживающие несравненно большей конкретизации (таковы, прежде всего, источниковедческая библиология, патрология и история церкви), были изложены кратко, как «дисциплины предварительные» (терминология митрополита Макария [Булгакова]). С целью же фиксирования внимания на системности в самом изложении материала, автор в каждой лекции неоднократно ссылался на сказанное в предыдущих, предполагая, что развитие «логического внимания» студентов компенсирует определенную пестроту этих автореференций.

Будучи убежденным в том, что даже вводное преподавание такой области теоретического дискурса, каковой является теология, должно с необходимостью сопровождаться (как и в случае с философией) самостоятельной работой студентов над определенными текстами, автор пособия включает в него тексты для семинарских занятий. Поскольку, как было выяснено, мы делаем лишь первые, «младенческие» шаги в университетском освоении теологии, автор, осознавая экспериментальный характер своей деятельности в данном направлении, счел себя в выборе этих текстов вполне свободным. Предлагаемые тексты для семинарских занятий, наряду с темами для экзаменов и рефератов, а также со списком рекомендуемой литературы составляют Приложение к настоящему пособию.

Придерживаясь твердой убежденности в том, что то, что сближает основные христианские конфессии, неизмеримо больше того, что их разделяет, и считая распространенные настроения, опирающиеся на взгляд противоположный, «богословским сектантством», противоречащим самому духу христианства, автор без всяких оговорок привлекал мнения инославных авторов наряду с православными в тех случаях, где позиции практически или теоретически совпадают. Эта «экуменическая» позиция не противоречит, однако, тому, что парадигмальной он считает

именно православную точку отсчета (как наиболее адекватно выражающую христианский традиционализм, а потому и Святоотеческое и Апостольское Предание). Сказанное выразилось не только в отдельных конкретных указаниях в тексте, но и в преобладающей цитируемости представителей русской богословской школы.